

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА СЕМЕНОВА

преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olsemenova@bk.ru

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ, КАНЦЕЛЯРИЗМОВ, ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Трансформация терминов, общеупотребительных штампов – одна из ключевых особенностей идиостиля Андрея Платонова. В работе описываются и анализируются особенности употребления трансформированных и новых терминов, канцеляризмов, фразеологизмов в повести А. Платонова «Котлован». Уже с первых строк повести обращает на себя внимание обилие в тексте канцеляризмов, штампов, клишированной лексики. Цель работы – проследить, как новая терминология, канцелярская лексика и фразеология меняют сознание людей, насколько прочно входят в их жизнь, становятся одним из источников деформации языка. Термины, канцеляризмы, фразеологизмы в платоновском тексте, изменяя свое привычное значение, отражают авторскую философию, его новое видение мира. Трансформация терминологии, фразеологии, канцелярской лексики неразрывно связана с новыми реалиями, появившимися с приходом новой власти: новые термины выходят из разряда лексики ограниченного употребления – это приводит к тому, что, прибегая к ним, герои не всегда понимают смысл и сферу их употребления.

Ключевые слова: окказиональная синтагматика, нарушение сочетаемости, трансформация устойчивых сочетаний, идиостиль Платонова

Трансформация терминов, общеупотребительных штампов – одна из ключевых особенностей идиостиля Андрея Платонова. Уже с первых строк «Котлована» обращает на себя внимание обилие в тексте канцеляризмов, штампов, клишированной лексики: «*В день тридцатилетия личной жизни*» (79)¹. Обнаруживается связь фразеологии героев с канцелярской и общественно-политической терминологией революционной эпохи: «*Я сегодня в соцстрахах пойду становиться на пенсию*» (114); «...у лампы сидел активист за умственным трудом» (169); «...я тебя в мобилизованный кадр зачислю» (135); «...постановил для себя перейти на инвалидную пенсию» (113).

Проследим, как новая терминология, канцелярская лексика и фразеология меняют сознание людей, насколько прочно входят в их жизнь, становятся одним из источников деформации языка.

ТЕРМИНЫ

Научный термин (об особой роли слов ограниченного словоупотребления в произведениях А. Платонова писал еще в 1966 году Л. Боровой [2]) в платоновском тексте может изменять свое привычное значение. Так, общеизвестный химический термин «тяжелые вещества» выходит из разряда лексики ограниченного словоупотребления: «*Пройдя двор, Чиклин... завалил дверь... битым кирпичом, старыми каменными глыбами и прочим тяжелым веществом*» (124) – употребление его с необычным эпитетом и в ряду однородных членов с такими существительны-

ми, как *кирпич, глыбы*, изменяет привычное значение термина «тяжелые вещества» на «старые, ненужные вещи».

Свое научное значение утрачивает физический термин «*сила тяжести*» («*терпеливо или силой тяжести мертвого груза*» (88)). Биологический термин «*место обитания*» трансформируется в повести в «*место жизни*» («*Девочка обошла новое место своей жизни*» (122)). Неправильно используется экономическая терминология в конструкции «*для обеспечения государственного темпа*» (101).

В тексте повести нередки случаи разрушения и трансформации привычной терминологии. Так, например, юридический термин «*право на жизнь*» изменяется на «*право жизни*», а употребление его в конструкции с окказиональным глаголом *исходатайствовать* («...*исходатайствовать себе посредством мучения право жизни бедняка*» (139)) позволяет автору передать идею надындивидуальности. Использование А. Платоновым прилагательного *неимущее* вместо *рабочее, пролетарское* («*Рассчитывал принести пользу всему неимущему движению в дальнейшее счастье*» (106)) вместе с существительным *движение* приводит к разрушению термина.

Общеизвестный политический штамп «*элемент*» в значении «человек как член какой-нибудь социальной группы», почти не использующийся в современном русском языке, достаточно активен в повести А. Платонова и в большинстве случаев встречается с определяющим словом: «*прочие неясные элементы*» (180); «*представится туда жалобным нетрудовым*

элементом» (93); «*Тот закон для одних усталых элементов»* (94); «*А тут покоится вещества со-зания и целевая установка партии – маленький человек, предназначенный состоять всемирным элементом!»* (126); «*кроме... покорности след-шего элемента»* (182). Такое частое и обычно трансформированное использование терминов («*классовый элемент*», «*кулацкий элемент*») свидетельствует о том, что человек, неоднократно наделяясь отрицательной характеристикой («*этот дворовый элемент есть смертельный вредитель*» (140); «...да мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента» (130)), воспринимается не как личность, а лишь как составная часть механизма. Необычность употребления термина *элемент* в тексте повести еще и в том, что, во-первых, он может находиться в нестандартном окружении: «...среди тьмы и внимания к каким-то мучающимся на сцене элементам» (185), а во-вторых, употребляться по отношению к ребенку, что, с точки зрения узальных норм, недопустимо: «...приветствовал девочку, пришедшую с Чиклиным, как элемент будущего» (122). Интересно отметить, что сочетания из общеупотребительной политической фразеологии типа «*отсталый элемент*», «*кулацкий элемент*» в повести не встречаются.

Оккциональные терминологические сочетания, встречающиеся в повести, в большинстве своем употребляются с компонентом из общеизвестной терминологии (например, «*социальный*», «*буржуазный*», «*пролетарский*» и др.): «*социальная радость*» (111); «*буржуазная мелочь*» (121); «*передовой ангел*» (114); «*членская бедно-та*» (153); «*членская масса*» (159); «*пролетар-ский талант*» (101); «*пролетарская масса*» (110), (131); «*пролетарская совесть*» (113); «*пролетар-ская вера*» (99); «*пролетарская польза*» (100)²; «*классовая жизнь*» (120); «*классовый излишек*» (104); «*классовое поколение*» (130); «*классовый старичок*» (142).

Новые термины отражают авторскую философию, его новое видение мира: «*максимальный класс*» («*Жачев... посещал его, дабы кормиться от рабочего класса; но среди лета он переменил курс и стал питаться от максимального класса*» (106)); «*батрачье сословие*» (130); «*фактический житель социализма*» (126) (о девочке); «*очищенные от кулачества массы*» (164); «*или имел подкулацкую долю жизни*» (150). Они наделяются дополнительной коннотацией, как отрицательной, так и положительной: ср. «*Давно пора кончать зажиточных паразитов! <...> Где ж тогда греться активному персоналу!*» (133).

Еще одна особенность употребления терминов в том, что в одном предложении может концентрироваться сразу несколько новых, платоновских, терминологических сочетаний: «*В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие*

роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа ума» (79); «...оставив в жиз-вых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство» (125).

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ И ШТАМПЫ

Канцелярские обороты, наряду с языком радио, директивы, новыми политическими понятиями, являются, по мнению П. А. Бодина, одни из главных источников деформации языка героев [1]. Такой же позиции придерживаются и другие исследователи языка А. Платонова (М. Ю. Михеев [6], В. В. Буйлов [3]).

Иностилевые вкрапления, в частности введение в речь повествователя и героев канцеляризмов, одновременно сопровождаются разрушением уже знакомых и традиционных оборотов: общеупотребительное канцелярское выражение «*предпринимать усилия*» заменяется оккциональным образованием «*предпринимать дисциплину*» (100); «*принять меры*» – «*принять линию*» (110) («...думал, какую бы ему наиболее благополучную линию принять в отношении сидящего представителя интеллигенции»); известное сочетание «*в лице кого-то*» преобразуется у Платонова в «*в форме чего-то*»: «...необходимо здесь иметь в форме действа лидера будущего пролетариата» (116) (вместо «*в лице ребенка*»); по аналогии с известными сочетаниями «*нанести ущерб*», «*принести вред*» у Платонова появляется «*допустить вред*» (111); «*нести ответственность*» – «*нести должностность*» (111).

Канцелярские штампы типа «*линия партии и государства*», характеризующие нечто общее, у Платонова преобразуются в сочетание «*линия прораба*» (111), которое характеризует уже индивида.

Употребляющиеся в единственном числе выражения типа «*средний человек*», «*средний класс*», «*середняк*» в повести встречаются во множественном числе: «*средние люди*» (168); «*средние мужики*» (187); «*средние единоличники*» (147).

К общеизвестному канцелярскому штампу «*взять на заметку*» добавляется еще один компонент – оккциональное существительное «*организационность*». В результате привычное сочетание трансформируется в новую конструкцию «*всю организационность на заметку возвы-му*» (138).

В повести появляются и индивидуально-авторские выражения, которые можно квалифицировать как канцеляризмы: «*Прущевский определил Чиклину расставить свежих рабочих по котловану и дать им выучку*» (101); «*детский персонал*» (127); «*казенный инвалид*» (139); «*продолжал лежать умолкшим образом*» (137) (= «*тихо*»); «*развивали дальнейший темп праздни-ка*» (166).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Устойчивые выражения также подвергаются трансформации: «*бросать слова на ветер*» трансформируется у Платонова в сочетание «*бросать свои выражения*» (121), «*ощутил ход времени*» – «*почувствовал долготу времени*» (120), «*предчувствия долготу времени*» (141); «*кричать во всю Ивановскую*» – «*кричать... во всю деревню*» (180); «*болеть душой*» – «*поболит душой*» (137). По аналогии с сочетанием «*до потери памяти*» у Платонова возникает оборот «*истомить себя до потери души*» (170).

Фразеологически связанное лексическое значение глагола изменяет привычный контекст: по аналогии со словосочетанием из книжной лексики «развернется пропасть» в повести появляется конструкция «разверзла беззубый темный рот» (118), описывающая высоким слогом бытовую ситуацию, а также сочетания «разверзая земную тесноту вширь» (185) и «там он снова начал разверзать неподвижную землю» (187). Изменяется и привычное окружение у фразеологически связанного прилагательного «насущный»: по ассоциации с устойчивым оборотом «хлеб насущный» рождается окказиональное сочетание «насущное имущество» (153).

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ И НОВЫХ ТЕРМИНОВ, КАНЦЕЛЯРИЗМОВ, ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

1. Общеупотребительные общественно-политические термины, штампы, канцеляризмы нередко лежат в основе авторских метафор. Устойчивое терминологическое сочетание «*научная мысль*», трансформируясь, легко в основу метафорической конструкции «*пошевельнулось научное сомнение*» (101) – можно провести аналогии со словосочетаниями «*поселилось сомнение*» и «*зашевелилась мысль*».

Появившееся у Платонова терминологическое сочетание «*инерция самодействующего разума*» (102) помогает увидеть процесс, при котором сознание уподобляется механизму.

Иногда в основе содержащего термин словосочетания лежит генитивная метафора (подробнее о генитивной метафоре у А. Платонова см. [5]): «*Занятие техникой покоя будущего здания обеспечивало...*» (102).

2. Некоторые конструкции образованы по аналогии с известными канцелярскими оборотами, терминами и фразеологизмами (один из исследователей языка Платонова И. И. Матвеева вводит термин «*малопроприлическая замена*», когда говорит о соединении различных устойчивых выражений [4]): глагол «*жить, существовать*» заменяется автором на конструкцию «*поддерживать себя*» (97), образованную по аналогии с сочетанием типа «*поддерживать кандидатуру при голосовании*», «*руководящий*

человек» (152) по аналогии с «*руководящий работник*».

Термин «*общеполезная жизнь*» вторгается в религиозное представление о «*высшей жизни*³» в конструкции «*отошел в высшую общеполезную жизнь*» (114), в которой, проведя параллель с известным фразеологизмом «*отойти в вечность*», мы можем проследить, как противоположные понятия «*жизнь*» и «*смерть*» становятся тождественными.

3. Употребление терминов, канцеляризмов и фразеологизмов в необычном окружении: «*ударил какой-то инстинкт в голову*» (87); «*желание наибольшей общественной пользы*» (114); «*желание утихло в нем без последствий*» (153); «*Перестань брать слово*» (108).

4. Изменение узуального значения. Привычное значение собирательного неодушевленного существительного *мелочь* (= *мелкие предметы, деньги*) в контекстах повести приобретает иное, терминологическое значение: «*люди низкого общественного положения*». В словосочетании «*буржуазная мелочь*» (121) собирательное существительное *мелочь* получает метафорическое значение: мелкие (телом) и мелочные (душой) людишки буржуазной эпохи. Такое же собирательное значение у существительного «*мелочь*» с ярко выраженной отрицательной коннотацией в предложении «*Стихни, темная мелочь!*» (110). А вот в предложении «*...а я с товарищем Прушевским хожу, как мелочь между классов, и не вижу себе улучшения!..*» (101) оценка героя уже идет не со стороны, а от самого себя, причем тоже с негативным оттенком⁴.

5. Рождение новой риторики революционной эпохи: «*беспрерывное геройство*» (140); «*усердная беззаветность*» (140); «*энтузиазм несокрушимого действия*» (136).

6. Демонстрация абсурдности ситуации: «*Товарищи, мы должны мобилизовать крапиву на фронт социалистического строительства!*» (120), «*в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма*» (144).

7. Изменение представления об окружающем мире. Введение в текст авторских канцелярских оборотов показывает нам объекты природы не как естественные явления, не подчиняющиеся человеческой воле, а как нечто организованное: «*...спустились в овраг, в котором содержалась вода*» (145).

8. Слова с абстрактным значением, входящие в состав канцелярского оборота или термина, конкретизируются: «*чертил дорогую генеральную линию вперед*» (153); «*...надо бы установку на Козлова взять, он на саботаж линию берет*» (113). Очевидно, что под «*установкой*» и «*линией*» подразумеваются конкретные понятия, которые без необходимых комментариев остаются абстрактными наименованиями.

Таким образом, трансформация терминологии, фразеологии, канцелярской лексики неразрывно связана с новыми реалиями, появившимися с приходом новой власти: новые термины выходят из разряда лексики ограниченного употребления – это приводит к тому, что, прибегая к ним, герои не всегда понимают их смысл и

сферу употребления. Новые слова, относящиеся к общественно-политической терминологии революционной эпохи, настолько прочно вошли в сознание людей, что даже о любви герой говорит, как о чем-то официальном, легализованном: «Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней dame» (132).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Платонов А. П. Ювенильное море: Повести, роман. М.: Современник, 1988. Ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.
- 2 *Пролетарий* как класс и отдельный человек наделяется особыми качествами, например, «мелкий пролетарий» (168), и эти качества присущи не только человеку, но и животным: «Медведь – правильный пролетарский старик» (172); «Утешая затем свое утомленно пролетарское лицо, медведь плонул в лапу и снова приступил к труду молотобойца» (159).
- 3 Ср. еще одну конструкцию, в которой прослеживается отголосок религиозного представления о «высшей жизни», но с мирскими, обиденными желаниями: «не мог никак добиться высшей довольной жизни» (153).
- 4 Нужно отметить, что в современном русском языке слово «мелочь» может употребляться по отношению к людям низкого общественного или служебного положения, но имеет характеризующее значение, а не собирательное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодин П. А. Загробное царство и Вавилонская башня: О повести Платонова «Котлован» // Классицизм и модернизм: Сб. ст. Тарту, 1994. С. 168–183.
2. Боровой Л. Язык писателя: А. Фадеев, Вс. Иванов, М. Пришвин, А. Платонов. М.: Сов. писатель, 1966. 220 с.
3. Булов В. В. Андрей Платонов и язык его эпохи // Русская словесность. 1997. № 3. С. 30–34.
4. Матвеева И. И. Комизм языка персонажей Андрея Платонова // Русская речь. 2001. № 4. С. 12–17.
5. Михеев М. Ю. Жизни мышья беготня или тоска тщетности? (метафорические конструкции с родительным падежом) // Вопросы языкоznания. 2000. № 2. С. 47–70.
6. Михеев М. Ю. Портрет человека у Андрея Платонова // Логический анализ языка. Образ человека в языке. М.: Индрик, 1999. С. 356–366.

Semenova O. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

OCCASIONAL USE OF TERMS, BUREAUCRATESE, AND PHRASEOLOGICAL LOCUTIONS IN A. PLATONOV'S STORY "KOTLOVAN"

Transformation of the terms and stock phrases is one of the key features of Andrey Platonov's individual style. Unique characteristics of the reformed and new terms' use as well as bureaucratese and phraseological locutions' employment in Andrey Platonov's story "Kotlovan" are analyzed. The abundance of bureaucratese and cliché stands out from the first lines of the text. The goal of the article is to retrace how new terminology, bureaucratese, and phraseological locutions influence peoples' perception of the world and become one of the veins of language transformation. The used terms, bureaucratese, and phraseological locutions change their conventional meaning and reflect the authors' philosophy, his personal worldview. Transformation of terminology, phraseology, and bureaucratese is inseparably connected with new reality developing with the coming of the new regime: new terms evolve from vocabulary of limited use, as a result, the story characters do not understand the terms' meaning and have limited knowledge about the areas of their possible use.

Key words: occasional syntactics, violation of compatibility, transformation of persistent conjunctions, individual style by A. Platonov

REFERENCES

1. Бодин П. А. The region beyond the grave and the tower of Babel: On the story by Platonov "Kotlovan" [Zagrobnoe tsarstvo i Vavilonskaya bashnya: O povesti Platonova "Kotlovan"]. *Klassitsizm i modernizm* [Classicism and modernism]. Tartu, 1994. P. 168–183.
2. Боровой Л. Язык писателя: А. Фадеев, Вс. Иванов, М. Пришвин, А. Платонов. [The language of writer: A. Fadeev, Vs. Ivanov, M. Prishvin, A. Platonov]. Moscow, 1966. 220 p.
3. Булов В. В. Andrey Platonov and the language of his epoch [Andrey Platonov i yazyk ego epokhi]. *Russkaya slovesnost'* [Russian philology]. 1997. № 3. P. 30–34.
4. Матвеева И. И. The comic of language of personages by Andrey Platonov [Komizm yazyka personazhey Andreya Platonova]. *Russkaya rech'* [Russian speech]. 2001. № 4. P. 12–17.
5. Михеев М. Ю. Mouse bustle of life or melancholy of futility? (metaphoric conjunctions with genitive) [Zhizni mysh'ya begotnya ili toska tshchetnosti? (metaforicheskie konstruktsii s roditel'nym padezhom]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. 2000. № 2. P. 47–70.
6. Михеев М. Ю. The portrait of man by Andrey Platonov [Portret cheloveka u Andreya Platonova]. *Logicheskiy analiz yazyka. Obraz cheloveka v yazyke* [Logical analysis of the language. Character of man in the language]. Moscow, 1999. P. 356–366.

Поступила в редакцию 12.03.2014